

— Спасибо... Спасибо... — повторяла она. И действительно, расступилась толпа, и подъехала Скорая. И мужа Ольги вдвинули на носилках в карету, а Ольга (по-прежнему без пальто и с непокрытой головой) взмолилась, обращаясь к сопровождавшему доктору:

— Я поеду с ним!

— Нельзя, — сказал доктор. — Да и места нет. Мы возем его в пятьдесят четвертую, — добавил он.

И Скорая помощь, воя, исчезла.

Толпа растворилась. Они остались вдвоем — Ольга и тот мужчина.

Он, помолчав, проговорил:

— Поедте, я вас отвезу в больницу. Я на машине. Пойдите оденьтесь. Простудитесь.

Он помог ей перейти улицу, довел до подъезда. И она, впопыхах, взбежала по лестнице, а потом к себе в квартиру, стала лихорадочно переодеваться, ища и не находя, как всегда в таких случаях, нужные вещи. Долго мечется в поисках шапки, да так и не находит ее и обвязывает голову платком.

Выбегает на улицу и садится в машину этого случайного хорошего человека, который обещал подвезти ее к больнице.

Машина трогается, и Ольга в смятении и отчаянии говорит:

— Господи, какое несчастье! И надо же, чтобы это случилось! Тысячу раз твердила ему, чтобы он был осторожен на улице. Но разве его уговоришь!

Так они ехали по тем же, но уже дневным, совершенно иным по облику, движению, наполненности людьми и суетой, дорогам. И из короткого, обрывочного, какого-то судорожного их разговора можно было понять, что он из сибирского Академгородка, директор крупного научного Института приехал в Москву по первостепенному, наиважнейшему вызову. И пробудет тут не менее двух-трех недель.

Они подъехали к больнице и она вышла из машины

— Большое спасибо, — в который раз сказала она тому, кто ее подвез. — Вы меня очень выручили!

— Я вас подожду, — сказал Сергей Васильевич, именно так мы будем его называть.

— Да что вы?! — откликнулась Ольга. — Я даже не знаю, сколько времени тут пробуду.

— Если очень задержитесь, выйдете на крыльцо и махните рукой, — предложил он.

Она побежала в больницу. Сергей Васильевич остался в машине. В ординаторской лечащий врач сказал Ольге:

— Первый осмотр показал, что у вашего мужа перелом бедра. И, видимо, легкое сотрясение мозга, — добавил он.

— Но у него носом шла кровь, — в сильном волнении сказала она.

— Это естественно, — таков был ответ врача. — Не волнуйтесь, будем лечить.

— Вы от меня не скрываете? — волновалась она. — Ничего угрожающего?

— Будем лечить, милейшая, будем лечить, — повторил, уже несколько раздражаясь, пожилой врач.

— А к нему можно сейчас? — спросила она.

— У нас приемные дни по субботам и средам. Смертельной опасности нет, — повторил он.

Она спустилась обратно к больничному подъезду.

Сергей Васильевич действительно ее ждал. Они поехали.

— Вы знаете, — сказала она ему по дороге. — Мне ваше лицо знакомо. Я не могу вспомнить, где я вас видела.

— Но где? Когда? — недоуменно спросил он.

— Не знаю. Не то в молодости, не то во сне, — сказала она.

С того дня заезжал он за ней в приемные, а потом и в неприемные дни.

И они говорили в машине с ней обо всем: о жизни, о судьбах России, семье, дружбе, предательстве, мудрости, дураках, о гениях и бездельниках — словом, обо всем, о чем хочется говорить, когда не охота расставаться... И даже в машине, у ее подъезда, они продолжали говорить.

МОСКОВСКАЯ КАРУСЕЛЬ

Как-то однажды он ее спросил:

— Скажите, Ольга Викентьевна, а кто он, ваш муж?

И она, всегда сдержанная и скупая на слова, теперь пространно рассказывала ему о муже, хвала и даже почему-то превознося его. Говорила о его доброте, уме, порядочности, честности.

— Вам повезло, — не без иронии отметил он. — Вы нашли человека, у которого нет недостатков.

— Почему? — возразила она. — Есть. Он немножко ленив. И вообще какой-то неприспособленный. Беспомощный. Слабый. Инженер-химик по образованию, а пишет тексты для песенок.

Сергей Васильевич покорно слушал и вел машину, при этом не без мастерства.

И вот в один прекрасный день, накануне своего отъезда, когда они вот так оба сидели в машине у ее подъезда, он спросил:

— Ольга Викентьевна, а почему вы никогда не позвоните меня к себе?

— Отчего? Могу позвать хоть сейчас. И напоить горячим чаем. Поднимемся! — предложила Ольга Викентьевна, почему-то немного смутясь его вопросом.

Они сидели в знакомой нам кухне и пили чай

— Согрелись немного? — спросила она.

— Да.

— К сожалению, у меня нет ничего спиртного. У мужа есть еще одно неоспоримое достоинство, — шуточно добавила она. — Он не пьет.

Сергей Васильевич не ответил. А не ответив, внезапно сказал:

— Ольга Викентьевна, очень серьезный разговор. Можете верить, можете нет, но я вас люблю. Понимаете — люблю. И не представляю себе своей дальнейшей жизни без вас. Я вдовец, у меня сын учится здесь, в Москве... Вы понимаете — я уже не мальчишка. И всю жизнь мечтал о такой женщине, как вы.

И он предложил ей уехать с ним. Стать его женой.

Она по своему обыкновенно слушала, не перебивая. Сидела, опустив глаза. И было такое впечатление, что она думает о чем-то другом.

Но она слышала все, вплоть до его внимания.

И именно эти слова и именно от этого человека ей жадно хотелось все это слышать.

Потому, что именно такого, как он, она ждала и души искала всю свою пеструю, разноцветную, бесплодную, несуразную жизнь.

И как раз в этот момент раздался телефонный звонок.

Ольга подняла трубку:

— Ольга Викентьевна, звонит дежурная медсестра. Из больницы.

— Что случилось? — в испуге спросила Ольга.

— Да нет, — ответила медсестра. — Ничего не случилось. Все спокойно. Завтра приемный день и ваш муж просит привезти ему кусок курочки. И яблочного сока. И он беспокоится, как у вас с деньгами?

— Деньги получила, — торопливо проговорила в трубку Ольга. И даже уже купила курицу... Как он

себя чувствует? Передайте ему, что я его целую. Все-го доброго.

А на кухне сидел Сергей Васильевич в глубоком раздумье. И слышал каждое ее слово. Она вернулась. Села на прежнее место. Теперь оба долго молчали. Слышно было, как где-то сверху или внизу работает телевизор: играли старинный вальс.

— Так как же, Ольга Викентьевна? — спросил он.

Она сидела, сжимая руки, да так, что побелели пальцы.

— Я готов ждать месяц, два, полгода, год. Если да, — пояснил он. — А если нет — я исчезну из вашей жизни... Так как же, Ольга? Да или нет? — еще раз спросил он.

— Нет, — тихо сказала она, почти шепотом. — Нет, Сергей Васильевич. — Поздно! Поздно снова все повторять сначала. Нельзя всю жизнь просить у Бога одно и то же.

— Что просить? — спросил он.

— Счастья, — откликнулась она. — Наверно, это неприлично.

Он встал. И она тоже встала. И вдруг он резко, порывисто обнял ее и прижал к себе. И с глубокой нежностью проговорил:

— Оленька!

И руки ее уже невольно потянулись к нему, чтобы ответно обнять, но она вдруг отдернула их.

— Не надо, Сережа. Не надо, ну, пожалуйста! Если бы раньше, Господи! Хоть на край света!

Он отпустил ее. Постоял некоторое время. Потом вышел в прихожую. Оделся. И исчез за дверью.

Она побродила по квартире. Затем, как бы что-то вспомнив, пошла на кухню, вынула из холодильника курицу и стала ее отмывать.

Лицо ее было, как всегда, неподвижно. И только, вплотную приблизившись и очень вглядевшись, можно было заметить, как из застывших, как бы ушедших глаз, сверкнула слеза. И сразу растаяла на щеке.

А внизу (или сверху) уже гремел не вальс, а «рок». И если спуститься (или подняться), можно было увидеть, как лихо, по-молодецки там танцевали.

КОНЕЦ